

## Творчество М. А. Сабира как новый этап развития сатирической поэзии в азербайджанской литературе

*Агазаде Ядулла Бабир оглу,*

*кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой языка и литературы  
Лянкяранского государственного университета, Азербайджан,  
докторант Института литературы им. Низами НАН Азербайджана.*

Хагани, Низами, Насими, Физули и многие другие гениальные творческие личности, имена которых мы не перечислили и за мастерство которых мы испытываем чувство гордости, независимо от того, на каком языке они писали, – это поистине национальные поэты. Великий русский критик В.Г.Белинский, говоря о творчестве А.С.Пушкина, отмечал: «Даже когда поэт в целостности отражает чужой мир, он остается национальным поэтом, так как он смотрит на этот мир глазами своей национальной стихии, глазами своего народа и так чувствует, так говорит, что его соотечественники думают что это они ощущают, они говорят. С этой точки зрения Пушки, возможно, более национален, истинный русский поэт, чем все те, что предшествовали ему» [3, с. 117]. В свете этих мыслей если пролистать богатую историю азербайджанской литературы, подобные мысли больше всего с гордостью можно произнести о великом Сабаре – он истинный национальный поэт. Откуда берет свое начало такая национальность, откуда она питается? Прежде всего, своей привязанностью к корням, народу. Во все времена выдвинувшиеся из народа отважные люди шли впереди нации. И этот поэт может быть обычным гражданином. Благодаря большой любви к нации, хранимой в их сердцах, они увековечились в памяти народа, превратились в гордость, цель нации. Именно желание писать об увиденных подлостях, боли, национальных достоинствах убедило Хагани предпочитать памфлет оде:

*Сладость похвал, кислотность пасквиль твои ведомы всем,  
Подобно вину от спелого, а сладости от неспелого винограда.  
(Подстрочный перевод) [9].*

Вино – это хмель, апатия, отсталость, а кислый виноград – тутия, (сладость) прогресс, возрождение. Первичное отношение к критическому стиху, сатирической поэзии очевидно. Бессомнения, писать о «кислых» памфлетах вынуждают Хагани не собственные несбывшиеся мечты, а несправедливость, господствующая в обществе. В этом смысле Хагани – национальный поэт. Когда в свое время Хафиз Ширази творил в персидской поэзии чудеса, в тюркоязычном стихе возникли затруднения аруза, гений Физули, выдвинув грудь вперед, сказал:

*Персидским говором по той причине поэзия богата,  
Однако ж сложно стих слагать на тюркском языке.  
Не сотворишь и строк из речи тюркской, потому  
Что нет по большей части нужных слов тому.  
Имея дар я сделал бы невозможное возможным,  
И стал бы в миг шиповник цветником прекрасным. [6]*

(Подстрочный перевод)

Разве Физули, поставившего перед собой такую историческую миссию и героически достигшего ее, призвал к подобной действительности не родной язык, не большая любовь к родному народу? Так, мы справедливо признаем, что Физули национальный поэт.

Мы не ошибемся, сказав, что вопросы исследования наследия М.А.Сабира берут свое начало с периода жизни самого Сабира. Ярким примером тому служит любовь к творчеству Сабира, чувство печали, скорби в связи с отсутствием и потерей Сабира, отразившихся в записях, напечатанных в журнале «Молла Насреддин» и других органах печати в дни гибели видных деятелей подобно современникам Сабира Ф.Кочарли, А.Сиххату, М.Гаджинскому, У.Гаджибекову, А.Гамкусару (Наджафзаде), А.Агвердиеву, М.Махмудбекову, Таги Шахбази, Я.В.Чеменземинли и др. заслуженным деятелям общественно-художественной мысли азербайджанского народа [19, с. 17-314].

Многие интеллигенты того времени, в том числе и сам Мирза Джалил признавали большую роль Сабира в достижениях «Молла Насреддина». Неслучайно, что после смерти Сабира Мирза Джалил некоторое время чуть было не впал в безнадежность, издание журнала было приостановлено с 8 марта 1912 года после выпуска 9-го номера до января 1913 года [14, с. 239-245].

О значимости Сабира для «Молла Насреддина» мы узнаем из статьи А.Сиххата «Сабир» в газете «Ени иршад» 29 августа 1911 года, который писал: «С момента появления «Молла Насреддина» каждый, владеющий чувством наслаждения, не мог не очароваться умением Сабира эфенди» [14, с. 228-229].

По правде говоря, М.А.Сабир имеет исключительные заслуги в том, чтобы «Молла Насреддин» стал читаемым, переходил из рук в руки, еще больше приблизился к народу. За исключением Мирзы Джалила невозможно найти другого такого автора. Следует признаться, что в накоплении Сабиром опыта, возвышении его как сатира большая доля принадлежит «Молла Насреддину». Однако сложно представить, что даже без «Молла Насреддина» Сабир не был бы в таком амплуа. В начале прошлого столетия в период споров, обсуждений по вопросу «Каким должен быть новый стих?» Сабир стал популярен своим стихом в новом жанре, в новом содержании, он наглядно показал, какой должна быть настоящая поэзия. Еще одно обстоятельство, которое принесло удачу Сабире, стала целостность творчества и личности. Справедливо по этому поводу отмечал М.Джалал: «Известно, что сатира требует от автора держаться на высоте, нежели придерживаемой цели. Критический смех лишь в том случае успешно звучит, когда смеющийся человек морально был выше, а целью же смеха были люди, морально низкие» [17, с. 146].

Наследие М.А.Сабира широко изучено в современной филологической мысли Азербайджана, в литературной критике не раз были выявлены новые качества сабироведения. Большая заслуга в этом принадлежит не только литературоведам-ученым, но и лингвистам. Большой интерес вызывают научные исследования в области стихотворного языка Сабира, сделанные наравне с литературоведами А.Назимом, М.Акберли, Г.Араслы, Дж.Канданом, Н.Рашаевой, М.Джалалом, А.Замановым, М.Ибрагимовма, А.Мирахмедовым, А.Шарифом,

К.Талыбзаде, М.Гусейном, Ш.Гурбановым, И.Мамедовым, Г.Оруджали, А.Салладином, Я.Гараевым, Ф.Гусейновым, Х.Алимирзайлы, Ш.Салмановым, З.Асгерли и видными лингвистами Б.Джабарзаде, А.Демирчизаде, С.Ализаде, Т.Гаджиевым, А.Ахундовым, Я.Сейидовым, Р.Магеррамовым.

Р.Магеррамова в своей ценной монографии «Мир слов М.А.Сабира» справедливо опишет: «Сабир – это новатор, острым пером бросившийся на боевую арену, еще более расширивший прежнее, прошедшее большой путь развития содержание, круг тем азербайджанской национальной сатиры и придавший ему новое качество – новый дух» [20, с. 4]. Иногда бывало и такое, что новшество в творчестве Сабира искали в его явлении «основоположником революционной сатиры». Будто что такое революционная сатира? В целом, марксистско-ленинское давление в литературоведении советского периода не обошло стороной и Сабира. Подобно тому, как пытаюсь исследовать стихи, мысли многих поэтов путем одобрения, называли их атеистами, утопистами, социалистами, так же и Сабира к слову и не к слову называли поэтом-революционером. В учебнике для студентов вузов читаем: «Он является знаменосцем революционного сатирического стиха начала XX века, самой большой персоной реалистско-демократической литературы... Новое, революционное стихотворение Азербайджана прославилось на всем Ближнем Востоке благодаря Сабиру» [18]. Или же один из достойных исследователей сабировского наследия Т.Новрузов так отмечал об этом: «Его поэзия – самое видное, оригинальное явление революционной сатиры Азербайджана и мусульманского Востока» [18, с. 4].

При подходе к проблеме с другого ракурса следует вспомнить то, как знаменитый идеолог пролетарского класса В.И.Ленин образно (только образно!) назвал великого русского писателя графа Л.Н.Толстого «зеркалом русской революции». Наверное, это можно назвать образно. Однако в прямом смысле этого слова называть графа Толстого писателем-революционером абсурдно. Хотя можно согласиться и с тем, что Сабир – не революционер-поэт-сатирик, а он смог создать истинную революцию. Эту мысль ясно выразил современник и близкий друг Сабира А.Сиххат после смерти поэта в цепи статей под названием «Сабир» 29, 31 августа и 6 сентября 1911 года в газете «Ени иршад» во 2-ом, 4-ом и 7-ом номерах. «Наша родина создала в литературном мире гениальный стих. В первую очередь он проложил такую тропинку в азербайджанской литературе, что лучше него никто не писал в такой манере. Он пытался шуточно, сладкими и понятными всем речами, насмешками писать улучшить наши недочеты, изъяны. Что делать, если он смог отслужить нашей литературе всего лишь пять лет. Написанное им было старом говоре. Однако, вместе с тем, в течение этих пяти лет он произвел в нашей литературе такую крупную революцию, что, не имея достаточного дозволения проанализировать эту силу-величие, обойдусь несколькими словами, чтобы выразить мысль» [19, с. 44].

Сабир своим творчеством, в частности, сатирами смог свершить истинную революцию, создать новое направление, новый этап, этап сабировского стиха в азербайджанской литературе нового периода. В досабировской литературе, а если конкретно, в поэтическом направлении была сатира, но она не достигла величия сабировского стиха. Сатирические стихи, памфлеты в классической поэзии – это непосредственно критическое, открытое, свободное высмеивание.

Мастер смеется, гневается сам, и заставляет смеяться, гневаться и своих читателей. Смех в новом типа сатиры Сабира не сразу заметен, сделать вывод о том, что мастер серьезным образом, чуть ли не в внушительной форме говорит свое слово, или пытается разговорить своего типа, предоставляется на усмотрение читателей. Видный русский литературовед М.М.Бахтин в своем труде «Проблемы поэтики Достоевского», называя такой смех «смехом, подвергшимся редукции», отмечал: «Явление подверженного редукции смеха имеет достаточно важную значимость в мировой литературе. Смех, подвергшийся редукции, непосредственно ограничен от формы выражения, как говорится, «не звучит», однако его след сохраняется и чувствуется в структуре образа и слова» [4, с. 156]. Другими словами, М.М.Бахтин, слегка изменив слова Гоголя, говорит о «незримом смехе» в творчестве Достоевского. По словам ученого, на самом деле, смех в романах Достоевского – это смех сквозь слезы [3, с. 363]. При таком подходе к проблеме однозначно можно сказать, что смех Сабира, Мирзы Джалила на самом деле – это смех сквозь слезы. Неслучайно, некоторые из его стихов были подписаны как «Смеющийся сквозь слезы». Здесь объединяются смех и слезы. Если все видимое – это смех, то невидимое – горькие слезы. Однако эти слезы призывают людей, читателей не к апатии, пессимизму, бессилию, а к борьбе, возрождению, осознанию собственного назначения как человека. Сабир говорит свое слово понимающим, стремящимся пробудиться, а иногда очищает общество от тысячелетиями спящих, желающих «мирно-грезового прогресса», слагая о них стихи. Сабир говорил языком Вагифа. В отличие от него, Сабир говорит о собственных переживаниях, о горе молодого народа, говорит то, чего не может сказать народ, освободил душу народа, пустил стрелы в глаза тех, кто повернулся против своего народа, языка, родины. В стихотворении «О чем писать? слова:

*Зачем же ты так таращишь, читатель, глаза, скажи?*

*Иль в зеркале ты увидел себя целиком во лжи?*

(Перевод С.Васильева) [26].

очень хорошо характеризуют пропасть между Сабиром и объектом разоблачения.

Сабир внес в стих, творчество не только новизну содержания. Он добился творческого изменения старой формы, а иногда создавал новые, еще не использованные в прежних стихах формы, развил и в плане вида, формы, и в плане содержания азербайджанский стих, сатиру. Сабира обладает довольно интересным методом изложения. Тип говорит, при этом он излагает себя, этот способ, скажем, не такой уж и новый. В этом плане такие сатиры поэта, как: «Что мне за дело?», «Бакинским рабочим», «Лишь в мнении людей будь чист перед Аллахом...», «Изучение науки», «Отцовский наказ», «Не повезло», «Горе скряги», «Вай, вай, как трудно стало мне, как скверно мне, аллах!», «Наше главное стремление – загубить страну вконец», «Рабочему», «Благородный напев», «Пахарь», «Терпи», «Нам что?!», «Не грусти», «Благодари судьбу», «Жалоба», «Я – могущественный шах, подо мной – страна моя!», «Не пускайте!», «Еще малыш!», «Молодой», «Ах, как чудно с друзьями я жил тогда!..», «Судьбы коварства испытал наш край», «Продаю», «Погрузимся в невежество, век в темноте

проживем», «Честь и слава воздадутся, если будешь ты богат», «Кто может усомниться в нас в эти дни?», «Марш стариков», «Марш умников», «Имелся старинный обычай у нас», «Не пушу!» и т.д. являются темой широкого обсуждения. Следует отметить и тот факт, что в своем творчестве поэт уделяет место не только монологической, а иногда и диалогической речи, здесь на основании прямого, естественного разговора раскрывается Невежественность, отсталость одного или обоих собеседников. Если в беседе молодого и старика молодой является сторонником новизны, то старик – представитель вчерашнего дня, старого, апатии.

– Газеты есть у вас? Читают люди их?  
– Читают дураки. Но я не из таких!  
– Открыта ль у вас читальня в парке днем?  
– Открыта, но она давно стоит вверх дном!  
(«Вопрос-ответ». Перевод С.Васильева) [26].

Сабир иногда сам выступает, уделяет широкое место представлению, говорит, обратившись непосредственно к излагаемому типу. Чуткий читатель тотчас понимает открытую иронию, острый намек в этих словах, а это, в свою очередь, создает сильный смех, эффект разоблачения. В этом плане можно отметить его сатиры «Песня нации», «Если родного народа участь плачевна и зла», «Слуги верные мои! Не спать – вставать пришла пора!». Поэт умел очень тонко представить глубокую суть.

Нередко Сабир как и его предшественники пользовался непосредственно критикой, наступлением. Бакинским борцам, а на самом деле бешеным людям, напрасно проливающим кровь, он говорил:

*Меня тошнит, когда я вижу твою развязную походку,  
Меня знобит, когда я слышу твои похабства во всю глотку...*  
(«Бакинским кочи». Перевод С.Васильева) [26].

При виде роста тирании, затоптанности права угнетенных, беспомощное состояние девушек-невест, поэт пишет:

*Из камня высеченный род на что тебе, Аллах?  
Сердца холодные как лед на что тебе, Аллах?*  
(«На что тебе, Аллах?»). Перевод П.Панченко) [26].

Видя людей, противящихся свету, культуре, прогрессу, выражая свой страх не по отношению к кому-то или к чему-то, а именно к этим исполинам, их непристойным деяниям, поэт говорит:

*Но – каюсь! – что вместе с бесстрашьем таким,  
Как только – Аллахом клянусь я святым!*  
(«Боюсь!»). Перевод Ю.Неймана) [26].

Где он говорит, что я не вижу мусульман, боюсь, и видит, как стоящие за кафедрой в мечети тянут народ назад, в апатию, он произносит слова:

*Эпоха с нами говорит, а мы как в рот воды набрали,  
Грохочут пушки, гром гремит... Проснуться все же не пора ли?  
Других несет аэроплан, они по небу мчат, как птахи,  
А мы узрим: автомобиль! – и шасть в кусты в священном страхе.  
Давным-давно, давным-давно моллы нам солнце заслонили,  
И мы глядим на жизнь других сквозь полог тьмы и сырость гнили.*

(«Эпоха с нами говорит, а мы как в рот воды набрали». Перевод С.Васильева) [26].

Таким образом, не трудно понять состояние Сабира. Сабир не видит другого способа борьбы против этих «насекомых», которые ползают по нему. От Сабира требовали быть слепым, немым, тихим. Однако невразуметь его заставить сложно. Вечное счастье Сабира, его существование как мастера слова кроются именно в том, что он – поэт, понимающий, страдающий, жалеющий народ, говорящий с народом его же языком. Внесенные в поэзию сабировской сатирой новшества, развитие, различные этапы именно этим и питаются.

## Литература

1. История азербайджанской литературы. Т. 2. Баку, 1960. (на азерб. яз.).
2. Алышанов Ш. Эстетическая память слова. Баку, 1994. (на азерб. яз.).
3. Белинский В.Г. О классиках русской литературы. Баку, 1954. (на азерб. яз.).
4. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Баку, 2005. (на азерб. яз.).
5. Али Саладдин. Сабир и фольклор. Баку, 1969. (на азерб. яз.).
6. Физули. Избранные произведения. Баку, 1987. (на азерб. яз.).
7. Гаджиев Т. Сабир! Источники и предшественники. Баку, 1980. (на азерб. яз.).
8. Хандан Ч.Г. Мастерские особенности творчества Сабира. Баку, 1962. (на азерб. яз.).
9. Хагани. Избранные произведения. Баку, 1987. (на азерб. яз.).
10. Ибрагимов М. Великий поэт Сабир. Баку, 1962. (на азерб. яз.).
11. Гараев Я. Реализм: искусство и истина. Баку, 1990. (на азерб. яз.).
12. Гараев Я. История: вблизи и издалека. Баку, 1996. (на азерб. яз.).
13. Гурбанов Ш. Страницы из жизни. Баку, 1980. (на азерб. яз.).
14. Мамедли Г. Молла Насреддин. Баку, 1984. (на азерб. яз.).
15. Мирахмедов А. Сабир. Баку, 1958. (на азерб. яз.).
16. Мирахмедов А. Азербайджанский Молла Насреддин. Баку, 1980. (на азерб. яз.).
17. Литературные школы Мир Джалала в Азербайджане. Баку, 2004. (на азерб. яз.).

18. Мир Джалил, Ф.Гусейнов. Азербайджанская литература XX века. Баку, 1982. (на азерб. яз.).
19. Современники о Сабире. Баку, 1962. (на азерб. яз.).
20. Магеррамова Р. Мир слова Мирзы Алекпера Сабира. Баку, 2006. (на азерб. яз.).
21. Новрузов Т. Мирза Алекпер Сабир (из истории исследования). Баку, 1987. (на азерб. яз.).
22. Новрузов Т. Литературная школа Сабира. Баку, 1992. (на азерб. яз.).
23. Оруджали Г. Литература и время. Баку, 1970. (на азерб. яз.).
24. Рза Р. Избранные произведения. Т. 1. Баку, 1980. (на азерб. яз.).
25. Салманов Ш. Проблема традиции и новаторства азербайджанского советского стиха. Баку, 1980. (на азерб. яз.).
26. Сабир М.А. Хопхопнаме. Баку, 1992. (на азерб. яз.).
27. Талыбзаде К. Избранные произведения. Баку, 1991. (на азерб. яз.).